

ВЗГЛЯД РОССИЙСКИХ ПРАВОСЛАВНЫХ ЧИНОВНИКОВ НА РЕЛИГИОЗНУЮ СИТУАЦИЮ У ГРУЗИН-ГОРЦЕВ: ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ XIX ВЕКА

Аннотация. В статье на основе материалов первой половины XIX в. из Центрального исторического архива Грузии (ЦИАГ) рассматривается отношение российских православных чиновников к тем религиозным традициям, которые были характерны для грузин-горцев Восточной Грузии (хевсуры, пшавы, тушины). Грузия была одной из первых стран, где христианство стало государственной религией. Но к началу XIX в. роль православной церкви в некоторых труднодоступных горных регионах Грузии была значительно ослаблена. Грузины-горцы осознавали себя христианами, но бытование христианства здесь нередко принимало своеобразные формы. Здесь сохранялся синкретизм религиозных воззрений, а в определенной мере происходил возврат к архаичным дохристианским верованиям. После вхождения Грузии в состав Российской империи власти стали уделять значительное внимание укреплению православного христианства у грузин-горцев, строительству здесь церквей и назначению священнослужителей в эти отдаленные районы. Миссионерская проповедь должна была укрепить православие на Кавказе и способствовать более полной интеграции местного населения в пространство Российской империи.

Ключевые слова: Грузия, христианство, православие, грузины-горцы, российские православные чиновники, религиозная ситуация, религиозный синкретизм.

Статья публикуется в соответствии с планом НИР ИЭА РАН, тема «Народы Северного и Южного Кавказа: цивилизационные и этнокультурные взаимодействия».

Соловьева Любовь Тимофеевна (Solovieva Lyubov Timofeevna) – старший научный сотрудник ИЭА РАН, кандидат исторических наук, научный редактор научного православного журнала «Традиции и современность», lubsolov@gmail.com

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2021. № 27. С. 50–59

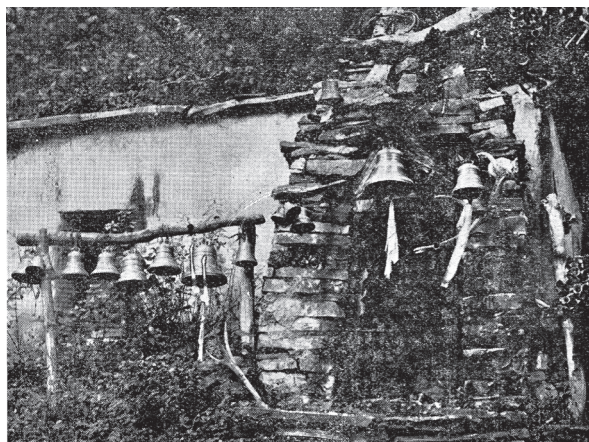
ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoroslavie.ru>

УДК – 82.941; ББК – 86.372 (Рус) 1; <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2021-27/50-59>

Грузия – «удел Пресвятой Богородицы» – была одной из первых стран, где христианство стало государственной религией в IV в. Но сложности исторической судьбы привели к тому, что к началу XIX в. роль православной церкви в некоторых регионах Грузии была в значительной степени ослаблена.

Периоды смутного времени, постоянные вражеские нашествия нередко препятствовали надзору церковных властей за исполнением некоторых таинств (например, таинства крещения) должным образом. Конечно, церковное руководство требовало от священников строгого исполнения предписанных канонов. Так, по указу Самтаврского епископа Григория (середина XVI в.), в случае смерти ребенка без крещения священник штрафовался в пользу церкви одной коровой; за совершение крещения вне церкви, без купели он лишался сана (при раскаянии полагался штраф – три коровы) и т.д. (*Пурцеладзе* 1881: 50). Однако, видимо, в условиях того времени эти меры не были достаточно действенными. Так, патриарх Антиохийский Макарий, прибывший в Грузию в 1664 г. и живший там полтора года, отмечает, что «большинство грузинских священников не умеют крестить младенцев как следует», указывая на многочисленные отступления от церковных установлений в совершении обряда крещения (*Жузе* 1905: 27). В горных районах ситуация нередко была еще более сложной, чем на равнине. Так, в 60-е годы XVII в. архидиакон Павел Алеппский отмечал в «Описании Грузии», что грузинские священники «в те горы» (Хевсурети, Тушети) «не ходили... от страха», «но мы были там телесно и ходили и крестихом многие тысячи душ мужского и женского полу, иных и старых до осми десяти лет и болши...» (Материалы к истории Грузии 1977: 77). Как свидетельствует источник, отсутствие священников в регионе на протяжении длительного времени приводило к тому, что многие горцы до преклонного возраста оставались некрещеными. Относительно горного района Мтиулету в конце XVIII в. сообщалось, что там «христианство... пришло в совершенный упадок. Таинства крещения и причастия совершали там миряне», поэтому Цилканский епископ Роман «ездил в Мтиулету, окрестил всех жителей» (*Пурцеладзе* 1881: 25).

В XVIII в. главную роль в ослаблении влияния Грузинской Православной церкви в регионах Восточной Грузии играли набеги дагестанских народов (в Грузии всех дагестанцев называли леками, т.е. лезгинами, а в целом этот период – лекианоба) и нашествия иранских войск. Продолжавшиеся десятилетиями набеги горцев, которые разоряли церкви и монастыри, нередко приводили даже к упразднению епархий. Католикосы Грузии старались укреплять пограничные епархии, но не всегда это

Традиционное святилище. Грузия, Хевсурети.
1920-е годы. Из кн.: *Камараули А. Я. Хевсуретия:*
Очерки. Тифлис, 1929

удавалось. В мирные периоды, в перерывах между набегами леков и вражеских войск, возрождались села и города, налаживалась церковно-приходская жизнь. Но в приграничных приходах даже проведение богослужений нередко было затруднено. Так, в конце XVIII в. митрополит Некресский Амвросий (Микадзе) сообщал, что, когда он был настоятелем в монастыре Икорта, эта обитель постоянно подвергалась нападениям леков, а после перевода в Цилкани (1777 г.) по этой же причине он не мог проводить службу, церковь оставалась без прихожан даже в великие праздники (*Абашидзе* 2006: 217). В некоторых регионах Южной и Восточной Грузии население было вынуждено принять ислам. В отдаленных же местностях, в труднодоступных горных районах была практически утрачена связь с церковными институтами. Поскольку священники появлялись в горных районах редко, исполнение жизненно важных для населения обрядов и ритуалов перешло к определенным лицам, которые являлись служителями в святых местах. Это привело к тому, что, хотя горцы безусловно осознавали себя истинными христианами, формы бытования христианства нередко были здесь весьма своеобразными, сохранялся синкретизм религиозных воззрений, а в определенной мере происходил возврат к архаичным дохристианским верованиям.

После вхождения Грузии в состав Российской империи власти стали уделять значительное внимание укреплению православного христианства у грузин-горцев, строительству здесь церквей и назначению священнослужителей в эти отдаленные районы. Так, одной из задач Общества восстановления православного христианства на Кавказе была, наряду с миссионерской деятельностью среди мусульман и язычников, также проповедь в таких рай-

Подготовка к жертвоприношению в святилище.

Грузия, Хевсурети. 1920-е годы.
Из кн.: Камараули А. Я. Хевсуретия:
Очерки. Тифлис, 1929

онах Грузии, где ранее христианство было широко распространено, а позднее здесь стали проявляться элементы язычества, – в Пшави, Тушети, Хевсурети, Сванети (Бубулашвили 2006: 329).

Следует отметить, что уже участники российских посольств XVII в. в единоверную Грузию (как правило, они были священниками) отмечали некоторые своеобразные черты бытования православного христианства в этой стране, например: прорицания в Суджунском храме в праздник св. Георгия, принесение в жертву св. Георгию быка в Илорском храме и т.д. (Материалы посольств 2014: 422–423, 445 и др.).

Архивные материалы первой половины XIX в., авторами которых были представители разных ветвей власти на Кавказе, чиновники и священнослужители, отражают различные, порой диаметрально противоположные точки зрения относительно того, являются ли грузины-горцы христианами или язычниками, какие меры следует предпринять для возвращения их в лоно христианства, а также содержат интересные описания особенностей религиозной жизни в этих регионах.

В некоторых документах обряды, исполнявшиеся грузинами-горцами, именуются не иначе как «идолопоклонническими».

Так, 21 февраля 1829 г. экзарх Грузии митрополит Иона, обращаясь к «исправляющему должность грузинского гражданского губернатора» коллежскому советнику П. Д. Завилейскому, сообщает ему, что священники Барисахского и Гульско-го приходов (Хевсурети), состоящие в ведомстве Осетинской духовной комиссии, «донесли ему», что «хевсурцы совращаются от принятой ими православной веры, совершают между собою браки и умирающих погребают по идолопоклонническим

обрядам, а также, отнимая друг у друга жен, производят ссоры и кровопролитие». Митрополит Иона сообщает также, что «Главный Пшавхевсурский Пристав, надворный советник кн. Авалов», которого он просил «оказать содействие в отвращении хевсурцев от производимых ими богопротивных поступков», уведомил его о том, что у хевсур и пшавов есть «капища и жрецы, называемые деканозами, которые из подлой корысти своей совращают их». Приводятся и имена главных «соблазнитель» – «деканозов» и «кодагов» (груз. кадаги – предсказатель, прорицатель): Хаха Габидауров, Гамихарда Мисриашвили и Гудский житель Тотия. Пристав приводит краткое описание обрядов, совершаемых в «капищах» на богомольях и праздниках (принесение в жертву скота и серебряных вещей, предсказания и т.д.), отмечая, что этот «обряд существует тут из древних времен и принят за религию». Поскольку же все пшавы и хевсуры, «крещенные и некрещенные», слушают жрецов «с повиновением», то их «ему без помощи военной взять невозможно» (ЦИАГ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2756. Л. 2, 13).

Служитель святилища. Грузия, Хевсурети.
1920-е годы. Из кн.: Камараули А. Я. Хевсуретия:
Очерки. Тифлис, 1929

Святыище св. Георгия Ломисского. Северная Осетия, с. Балта. Возведено в 1950-е годы.
Фото Л. Т. Соловьевой. 2018 г.

Грузинского гражданского губернатора П. Д. Завилейского митрополит Иона просит «приказать кому следует учинить Хевсурцам и Пшавцам, принявшим христианскую православную веру, надлежащее подтверждение, чтобы они свято соблюдали обязанности христианские, в церкви для молитвословия ходили, в оных венчались, законных жен своих без рассмотрения Духовного начальства отнюдь не оставляли и на других женах самовольно по злочестивому прежнему обычаю не женились, рождающихся детей в православную веру через определенных к ним священников крестили, умерших погребали по христианскому обряду и для прочих христианских треб священников призывали... вторых жен от пшавцев и хевсурцев удалить» (ЦИАГ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2756. Л. 13 об.). Исполнительная экспедиция Верховного Грузинского правительства Указом от 4 декабря 1829 г. «предписала Пшавхевсурскому приставу употребить все возможные средства к внушению Пшавцам и Хевсурцам, восприявшим святое крещение, дабы отнюдь не отступали от правил христовой церкви, Экзархом изложенных» (ЦИАГ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2756. Л. 1–2).

Судя по более поздним архивным материалам, эти предписания выполнены не были, да и не могли быть выполнены, поскольку эти традиции самим народом воспринимались как истинно христианские.

Так, в 1833 г. экзарх Грузии Моисей обращается к главноуправляющему в Грузии со сходной просьбой, на сей раз относительно грузин Тушети, на основании той информации, которую собрал благочин-

ный Алавердского Крестовоздвиженского собора священник Иоанн Размазов, имевший поручение посетить «вверенные благочинию его Тушинские приходы» и «вникнуть в дух народа, с каким расположением исповедует оный православную нашу веру» (ЦИАГ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3488. Л. 1). Иоанн Размазов (Размадзе), сообщая, что тушины «со всем усердием... содержат» христианскую веру, вместе с тем отмечает, что «редко между ними найдутся такие, которые бывали ежегодно на исповеди и у св. причастия». Имеются у них также «особые молитвенные места, то есть старые бывшие церкви, к которым они имея благоговение, как к святым, собираются туда для Богомолья со множеством откормленных яловяц, овец и коров, которых там же закалывают определенные для сего люди из светского звания, называемые Деканозами, и потом собравшиеся богомольцы все сие употребляют в пищу». Упоминает он и о том, что разводы производятся согласно народным традициям, а «отпущенные ими жены соединяются с другими мужьями, без священника» (ЦИАГ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3488. Л. 1–2).

Из архивных материалов следует, что священник Иоанн Размадзе в данном случае не только обратился к тушинам с «христианским наставлением», чтобы они, «оставив безчиния и суеверия, жили добродетельно по закону Христианскому», но и «обязал их подпискою в исполнении его наставления». Священников же настоятельно просил «назидать подданных своих в вере и благочестии» (ЦИАГ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3488. Л. 2).

Экзарх Грузии Моисей просит, чтобы «местное гражданское начальство на будущее время не позволяло Тушинцам делать безчинств, подобных вышеизъясненным, и во всяком случае оказывало приходским их священникам все возможное содействие» (ЦИАГ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3488. Л. 3).

Интересные и довольно подробные материалы о религиозной жизни хевсур содержит «Переписка с Духовным департаментом МВД, Грузинским гражданским губернатором и другими о замеченных случаях повторения языческих обрядов у новообращенных в христианскую веру хевсуров и других язычников» за 1837–1840 гг. Здесь имеются сведения, представленные Хевсурским благочинным св. Иоанном Сисоуровым, о котором говорится, что он «каждогодно имел частое пребывание в Хевсуретских приходах», «сам происходит из хевсурцев, и даже между ими много имеет своих однофамильцев, и потому знает хорошо все обряды, заблуждения, нравы и обычаи как вообще Хевсурского народа, так и хевсурских Деканозов и Хуцесов» (ЦИАГ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4681. Л. 9, 10 об.).

Приводятся подробные сведения о святых местах («капищах»), особенностях их возведения («складены из камней наподобие столбов невысоких», «на сих столбах повешены роги оленей и туровые») и расположения («вблизи селения в уединенных местах... окружены кругом стенами, кладеными из простого камня»), ритуале принесения в жертву животных («те самые жертвоприношенники кровью тех скотов окропляются и обмазываются по лицу крест накрест деканозами»), о пророчествах прорицателей-кадагов, о других обязанностях служителей святилищ (заключение браков, похороны, приготовление пива и водки для праздников).

В этом деле имеется также «Рапорт Грузинского гражданского губернатора генерал-майора Кихинова – Главноуправляющему Грузией Е. А. Головину» (1840 г.), где говорится, что «...все вообще Хевсуры, Деканозы и Хуцесы их... крещены в Православную христианскую веру по открытии Осетинской Духовной Комиссии... потом построены в земле Хевсур церкви и назначены священники, кои до сих пор крестят детей всех вообще хевсур, в том числе Деканозов и Хуцесов; с того времени хотя все они поклоняются истинному Богу и веруют в него, но не оставляют и некоторых прежних своих обычаев, годовые праздники провожают они не в православной церкви, а в т. наз. капищах их, где вопреки христианской веры приносят жертвы, заключающиеся в заклании скота...». В Рапорте указывается, что молитвы, которые читают деканозы и хуцесы, «взяты из обряда православной церкви, но переименованы, а другие и недокончены», поскольку те «не умеют грамоты и учатся молитвам от других». От-

Служители святилища благословляют жертвенных животных и подношения. Северная Осетия, с. Балта. Фото Б. А. Синанова. 2008 г.

мечается также частичное соблюдение хевсурами постов: «хевсуры постятся только последнюю неделю пред Рождеством Христовым и весь Великий пост, других же постов не наблюдают, да и самый Великий пост проводится ими одним только неупотреблением в пищу всего мясного, равно сыру, молока... а христианских обрядов: хождения в церковь и исповедания и приобщения Св. таин вовсе не придерживаются». При погребении умерших хевсуры в это время уже нередко приглашали как хуцесов, так и священников (ЦИАГ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4681. Л. 34, 36 об.).

Именно то, что св. Иоанн Сисоуров сам был по происхождению хевсуром, давало ему возможность дать более объективную оценку состоянию христианства у грузин-горцев. В связи с этим в «Рапорте...» говорится, что сведения, собранные бывшим Пшавхевсурским приставом кн. Кобуловым об обычаях хевсур, неверны, поскольку их «капища» нельзя «назвать идольскими, ибо идолов в оных не находится»; «вероисповедание хевсур есть не идолопоклонничество, ниже секта или раскол христианский, а просто отступление един-

ственно по невежеству сего полудикого народа и поддерживается хитрыми Деканозами и Хуцесами для собственной их корысти» (ЦИАГ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4681. Л. 38 – 38 об.).

Е. А. Головин, рассмотрев присланные ему материалы, в ответе Управляющему МВД также делает вывод, что хевсуры, «судя по совершаемым ими разным обрядам, суть *новообращенные христиане*, впавшие в заблуждение. Доказательством тому может служить то, что они, исполняя над детьми таинство крещения, почитают крест символом веры, воздают ему в молениях должное поклонение, признают Святых, уважают некоторые посты, не имеют вовсе идолов и читают христианские молитвы, хотя уже обезображенные изустными преданиями; но вместе с тем приносят материальные жертвы, не посещают церкви, не знают таинства причащения и допускают некоторые языческие пиршества. Кажется, все уклонение это от чистого православия происходит между ними единственно от невежества и от недостатка духовного назидания, которое одно могло бы постепенно водворить между ними чистое христианское верование» (ЦИАГ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4681. Л. 42 – 42 об.).

Следует отметить, что Грузинские гражданские власти относились к неоднократным просьбам о «взятии под стражу» и даже высылке из Грузии деканозов и кадагов довольно прагматично и реально оценивали сложившуюся ситуацию. Так, генерал-фельдмаршал Паскевич-Эриванский писал: «...я нахожу, что употреблять в сем случае власть против пшавхевсурцев и забирать у них под стражу людей, к которым они в закоснелом заблуждении своем оказывают такую веру и уважение, значило бы объявить им войну, тогда как они, живя в неприступных местах, одни из горских народов *постоянно преданы нашему Правительству*, никогда не восстают против нас и даже лично содействуют к усмирению непокорствующих нам соседственных им племен, тогда как они *не в наше время отступили от наших обрядов богослужения*, но мы застали их в теперешнем положении суеверия и при таких обрядах, которых они придерживаются как религии, и наконец тогда как наше правительство с благоразумным великодушием *терпит магометан и самых идолопоклонников*, которые суть не заблудшие подобно пшавхевсурцам христиане, но враги нашей религии, и не употребляет никаких насильственных мер против них... я полагаю, что гораздо лучше и справедливее будет совершенное обращение пшавхевсурцев предоставить времени и проповеди определенных к ним священников наших, нежели употреблять против них силу оружия за заблуждение, в котором они находят покуда успокоение совести и которое нимало не мешает им быть

постоянно преданными правительству» (ЦИАГ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2756. Л. 5 об. – 6 об.).

О том, что российские чиновники относились к разрешению конфликтных ситуаций, связанных с вопросами религии, довольно осторожно и прагматично, свидетельствует архивный документ, относящийся к 1849 г., названный: «По представлению Тифлисского Военного Губернатора о возвращении кистинам Истукана под названием Майстский Джвари» (ЦИАГ. Ф. 3. Д. 397). В этом документе речь идет о ситуации, сложившейся в 1840-е годы в «кистинском» (чеченском) обществе Майсты.

Высокогорное Майстинское общество было расположено в ущелье, где протекала река Майстон-эрк – правый приток Чанты-Аргуна. На юге это общество граничило с грузинами-горцами – хевсурами и тушинами. В Майсте, несмотря на малочисленное население, отсутствие удобных путей сообщения и значительную изолированность от основного массива нахских обществ, согласно народным преданиям, располагались несколько общезначимых культовых мест. Как отмечают исследователи, это общество воспринималось в народе как значительный культурный и общественно-политический центр, где обитали лучшие знатоки обычного права. «Суд майстинцев» – «Майстон-кхелл» считался по всей Чечне последней инстанцией, куда обращались в случае особо запутанных и сложных дел, которые не смогли разрешить местные суды (Ахмадов 2009: 121–122; Иванов 1910: 45–46).

Как явствует из указанного архивного документа, в 1849 г. жители Майсты обратились через Тушино-Пшаво-Хевсурского окружного начальника к Тифлисскому военному губернатору с настоятельной просьбой вернуть им «истукана» (по терминологии документа), которого они называют «Майстский Джвари» (груз. джвари – крест), а также принадлежащее этому божееству «имущество».

25 ноября 1849 г. тифлиссский военный губернатор пишет начальнику Гражданского управления Закавказским краем: «Тушино-пшаво-хевсурский окружной начальник вошел к предместнику моему с рапортом от 18 октября за № 2253, в коем он донес, что помощник его кн. Джорджадзе по требованию Тушинского благочинного Цискарова отобрал у кистин Майстского общества истукана под названием Майстский Джвари, вместе с имуществом, к нему принадлежащим, присовокупляя при том, что он полагает возратить истукан этот Кистинам потому более, что он выдается ими с дальнего времени за образ св. Георгия» (ЦИАГ. Ф. 3. Д. 397. Л. 1 об.).

В рапорте Тушино-пшаво-хевсурского окружного начальника тифлисскому военному губернатору от 18 октября 1849 г., помещенном в этом деле, сообщаются детали указанного события. Этот

Часовня св. Георгия Победоносца,
возведенная в 1998 г. рядом со святилищем св. Георгия Ломисского.
Фото Б. А. Синанова. 2008 г.

«истукан» был отобран у майстинцев князем Джорджадзе, помощником Тушино-Пшаво-Хевсурского окружного начальника, по распоряжению исполняющего должность Тушинского благочинного Иова Цискарова. Последний разъяснил, что «немирные Кистины Майстского общества имеют у себя истукана, так называемого ими Святым Георгием Майстским Джвары, разгласив, что он делает чудотворства; и тушины, услышав об этом, приносят в честь ему пожертвования: хлебом, деньгами и резали баранов». Князь Джорджадзе по требованию И. Цискарова отобрал у кистин этого «истукана», «дабы между Тушинским народом, исполняющим и без того слабо обряды христианские», не укреплялось «идолопоклонство» (ЦИАГ. Ф. 3. Д. 397. Л. 2).

Майстинцы, обосновывая свое требование о возврате принадлежавшей им святыни, подчеркивали, что почитают истукана «за святого Георгия, угодника Божия», и не могут обходиться без него, ибо «он помогает им в их нуждах». Как следует из текста документа, жители Майсты считали этого «идола» именно христианской святыней, поскольку,

как они утверждали, ему поклонялись еще их предки, которые были христианами, «но впоследствии по смутным временам приняли Магометанскую веру». Сами просители-кистины уже именовали себя приверженцами «магометанской веры», но обещали, «если будет отдан им Георгий Майстский, то они могут впоследствии принять Православную веру и надеются еще привлечь к себе к тому и тех горцев, кои равномерно теперь участвуют в почитании истукана» (ЦИАГ. Ф. 3. Д. 397. Л. 3 об.).

Тифлисский военный губернатор разрешил выполнить просьбу майстинцев, приняв во внимание, что «божище это составляет предмет давнишнего почитания и обожания кистинцев и выдается ими за образ святого Георгия». В документе указано, что часть жителей общества Майсты (32 семьи, 207 человек – 105 мужского и 102 женского пола) в 1848 г. переселилась на территорию Грузии: «добровольно сделались нам подданными и поселились с разрешения начальства в наших владениях на урочище Бадцары». Этим переселенцам из Майсты, которые из «немирных кистин» превратились в «подданных»

Российской империи, то есть «мирных кистин», и предполагалось вернуть св. Георгия.

В деле имеется также чрезвычайно любопытный «Список истукану, отобранному от Кистин Майстского общества и всему при нем найденному», который дает возможность представить, как выглядело это «божество». Здесь дается краткое описание святого Георгия: «Истукан деревянный, лицо обито серебром, вместо глаз вставлены 2 красные камня, обернут лоскутками из разных материй белого и красного цвета». Перечислено также все найденное при нем «украшительное достояние» – «всего вещей и денег сорок семь штук»: 7 «медных колокольчиков средних целых», 2 колокольчика «изломанных», 1 медный кружок, 1 медная чашка с обломанными краями, 3 маленьких серебряных колокольчика, 1 серебряная цепочка, 1 серебряная цепочка с шестью бубенчиками, 1 проволочное кольцо. Среди «имущества» «истукана» преобладали монеты («деньги русские»): 5 монет 20 коп., 2 – по 15 коп., 1 – по 10 коп., а также 21 монета «разного чекана и достоинства» (ЦИАГ. Ф. 3. Д. 397. Л. 5).

Представляется интересным, что Тифлисский военный губернатор, обосновывая свое решение вернуть «истукана» кистинам, указывал, что «сообразовываясь» при этом с «обычаями здешнего края, населенного полудиким необразованным народом», с желанием «вселить в сердца обитателей гор нравственность и общежитие; содействовать Духовному начальству к утверждению спасительных начал христианской религии», а также и тем, «что по закону каждый исполняет обряды по своей вере». Поэтому он счел преждевременным отказать майстинцам в их просьбе, то есть счел невозможным «вводить новоустройство и упразднить между горскими племенами существующие обычаи с давних времен, как не заключающие в себе особенно важного отступления». Разрешая вернуть святого Георгия кистинам-переселенцам, Тифлисский военный губернатор отмечал: «если противу желания горцев отнять у них давно уважаемого равномерно и сими последними так называемого истукана Георгия Майстского, то и между ними легко может породиться непокорность и они сочтут это некоторым родом за стеснительность» (ЦИАГ. Ф. 3. Д. 397. Л. 3).

Все же он просил Тушино-Пшаво-Хевсурского окружного начальника тщательно проследить, «чтобы обстоятельство это» (т.е. возвращение святого Георгия) «не породило вредных толков в народе» (ЦИАГ. Ф. 3. Д. 397. Л. 4). Учитывая все возможные последствия «возвращения истукана», Тушино-пшаво-хевсурский окружной начальник, «чтобы устранить все предвидимые и непредвидимые неприязненные последствия»,

предлагал отдать «Истукана Майстский Джвары» не в общество Майсты, а именно «Кистинам Майстского общества, к нам переселившимся» (ЦИАГ. Ф. 3. Д. 397. Л. 3, 4).

Имеющийся в нашем распоряжении документ дает возможность подтвердить наличие в этом регионе многовековых контактов и взаимовлияний между грузинами и горными нахскими обществами, в том числе и в сфере религиозных представлений.

Обращает на себя внимание само название «истукана» – «Джвары»: термином джвари (груз. крест) у грузин-горцев (хевсуры, пшавы, тушины) обозначались общинно-племенные божества и посвященные им святилища (Бардавелидзе 1957: 2). Следует отметить и то, что «истукан» в документах называется также св. Георгием – именем наиболее почитаемого в Грузии, в том числе и в горных регионах, святого. Следует сказать, что в грузинском быту не зафиксировано подобных деревянных фигурок.

Интересно в связи с этим привести полевые материалы Н. Г. Волковой относительно жителей общества Майсты, собранные ею от информантов старшего возраста в 1960-е годы. Многие чеченцы подчеркивали тесные связи этого общества с соседними грузинами-горцами, некоторые еще помнили о том, что некогда майстинцы исповедовали христианство, а иные даже называли их «горными христианами» – ламкерста (Волкова 1973: 166).

Примечательно также, что одной из причин, по которой исполняющий должность Тушинского благочинного Иов Цискаров требовал «изъять» у жителей Майсты «истукана», было то, что его почитали также и грузины-тушины, которые, судя по всему, также нередко приходили в Майсты и обращались к местному св. Георгию с различными насущными просьбами, как указано в архивном документе, принося «в честь ему пожертвования: хлебом, деньгами и резали баранов».

В заключение отметим, что рассмотренные архивные документы свидетельствуют о том, какое значение придавали власти Российской империи контролю над религиозной ситуацией в различных областях Кавказа, в том числе об их заинтересованности в укреплении православного христианства среди горцев Восточной Грузии. На миссионерскую проповедь возлагались не только духовные, но и политические надежды; укрепление православия на Кавказе должно было способствовать более полной интеграции местного населения в пространство Российской империи.

Как видно из представленных материалов, при распространении православного христианства среди народов Кавказа в большинстве случаев прихо-

дилось сталкиваться с тем обстоятельством, что бытовавшие в некоторых регионах народные обычаи не всегда полностью совпадали с христианскими нормами. Однако преодолевать эту ситуацию требовалось постепенно, с соблюдением необходимой деликатности. Только успешное решение этой проблемы могло привести к продуктивной миссионерской деятельности. Важность достижения в этих обстоятельствах разумного компромисса понимали и российские чиновники, отмечавшие: «...христианство мало привлечет к себе, если оно будет стеснять образ жизни новокрещеного несвойственными ни понятиями, ни прежнему быту новокрещеного различными установлениями и запрещениями, за исполнением которых, надо сказать, и трудно будет уследить» (ЦИАГ. Ф. 416. Оп. 3. Д. 603. Л. 20).

Представленные материалы свидетельствуют также о стойком бытовании синкретизма религиозных верований, свойственных населению этих регионов Грузии. Российские власти, как можно видеть из рассмотренных архивных данных, обычно предпочитали разрешать возникающие на этой

почве конфликты и недоразумения, прибегая к компромиссам, принимая во внимание приверженность народа своим традициям. Следует отметить, что многое из того, с чем российские чиновники сталкивались в сфере религиозных представлений в XIX в., сохранилось и до настоящего времени, что говорит о стойкости народных традиций и о многообразии форм бытования христианства в локальных сообществах. И в настоящее время у отдельных представителей Грузинской Православной Церкви имеются различные точки зрения на то, как относиться, в частности, к почитанию традиционных святых мест и святынь, расположенных главным образом в горных регионах Грузии, к традиции принесения в жертву животных. Специалисты – этнографы, историки, религиоведы, анализируя и изучая эти святыни и праздники, видят здесь религиозный синкретизм и сочетание религиозных воззрений разных периодов. Но жители горных регионов Грузии воспринимают это иначе: они считают их христианскими святынями, почитание которых заведено им предками.

Источники и материалы

Жузе 1905 – Жузе П. Грузия в XVII в. по изображению патриарха Макария. Казань, 1905.

Материалы к истории Грузии 1973 – Материалы к истории Грузии XVII в. (Описание Грузии, составленное Павлом Алеппским). Тбилиси, 1973.

Материалы посольств 2014 – Материалы посольств Гавриила Гегенава, Федота Елчина и Павла Захарьева. 1636–1640 годы / для издания подготовил, исследованием, комментариями, словарем, указателями и календарем снабдил Дж. Гамахрия. Тбилиси, 2014.

Пурцеладзе 1881 – Пурцеладзе Д. П. Грузинские церковные гуджари. Тифлис, 1881.

ЦИАГ – Центральный исторический архив Грузии.

Научная литература

Абашидзе З. Восточногрузинская Церковь в XVIII в. // Православная энциклопедия. Т. 13. М., 2006.

Ахмадов Я. З. Очерк исторической географии и этнополитического развития Чечни в XVI–XVIII веках. М.: Благотворительный фонд поддержки чеченской литературы, 2009.

Бардавелидзе В. В. Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тбилиси: Изд-во Академии наук Грузинской ССР, 1957.

Бубулашвили Э. Экономическое и общественное положение Церкви на Кавказе во второй половине XIX в. // Православная энциклопедия. Т. 13. М., 2006.

Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М.: Наука, 1973.

Иванов М. А. В горах между Фортангой и Аргуном // Записки Кавказского отдела Русского географического общества. Т. 17. № 1–4. Тифлис, 1910.

References

Abashidze, Z. 2006. Vostochnogruzinskaya Tserkov' v XVIII v. [The Eastern Georgian Church in the XVIII century]. In *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. 13. Moscow.

Akhmadov, Ya. Z. 2009. *Ocherk istoricheskoy geografii i etnopoliticheskogo razvitiya Chechni v XVI–XVIII vekakh* [An essay on the historical geography and ethno-political development of Chechnya in the XVI–XVIII centuries]. Moscow: Blagotvoritel'nyy fond podderzhki chechenskoy literatury.

Bardavelidze, V. V. 1957. *Drevnejshie religioznye verovaniya i obryadovoe graficheskoe iskusstvo gruzinskih plemen* [The most ancient religious beliefs and ritual graphic art of the Georgian tribes]. Tbilisi: Izdatelstvo Akademii nauk Gruzinskoy SSR.

- Bubulashvili, E. 2006. Ekonomicheskoe i obshchestvennoe polozhenie tserkvi na Kavkaze vo vtoroj polovine XIX v. [The economic and social situation of the Church in the Caucasus in the second half of the XIX century]. In *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. 13. Moscow.
- Ivanov, M. A. 1910. V gorah mezhdu Fortangoj i Argunom [In the mountains between Fortanga and Argun]. In *Zapiski Kavkazskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Notes of the Caucasian Department of the Russian Geographical Society]. Vol. 17. № 1–4. Tiflis.
- Volkova, N. G. 1973. *Etnonimy i plemennye nazvaniya Severnogo Kavkaza* [Ethnonyms and tribal names of the North Caucasus]. Moscow: Nauka.

THE VIEW OF RUSSIAN ORTHODOX OFFICIALS ON THE RELIGIOUS SITUATION
OF THE GEORGIAN-GORZIANS:
ACCORDING TO THE ARCHIVAL MATERIALS OF THE XIX CENTURY

Abstract. Based on the materials of the Central Historical Archive of Georgia of the first half of the nineteenth century, the article examines the attitude of Russian Orthodox officials to the religious traditions that were characteristic of the Georgian mountaineers of Eastern Georgia (Khevsurians, Pshavs, Tushins). Georgia was one of the first countries where Christianity became the state religion. But by the beginning of the nineteenth century, the role of the Orthodox Church in some remote mountainous regions of Georgia was significantly weakened. The Georgians-Highlanders recognized themselves as Christians, but the forms of Christianity's existence often took a very peculiar form here. Here the syncretism of religious views was preserved, and to a certain extent there was a return to archaic pre-Christian beliefs. After Georgia became part of the Russian Empire, the authorities began to pay considerable attention to strengthening Orthodox Christianity among mountain Georgians, building churches here and appointing priests to these remote areas. The missionary sermon was supposed to strengthen Orthodoxy in the Caucasus and promote a more complete integration of the local population into the space of the Russian Empire.

Key words: Georgia, Christianity, Orthodoxy, Georgians-Highlanders, Russian Orthodox officials, religious situation, religious syncretism.

